

УДК 94(4)«1918»+94(477)«1918»

Б. В. Малиновский¹, Т. В. Малиновская²

*¹Никопольский факультет Национального университета
«Одесская юридическая академия» (г. Никополь)*

²Днепропетровский национальный университет им. Олеса Гончара

АВСТРО-ВЕНГЕРСКИЕ ВОЙСКА И УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО В УНР, МАРТ-АПРЕЛЬ 1918 Г.

У статті розглянуто питання про здійснення кримінального переслідування громадян Української Народної Республіки австро-угорською військовою владою (березень-квітень 1918 р.).

Ключові слова: Україна, Українська Народна Республіка, Одеса, австро-угорські війська, судочинство, репресії.

В статье рассмотрен вопрос об осуществлении уголовного преследования граждан Украинской Народной Республики австро-венгерскими военными властями (март-апрель 1918 г.).

Ключевые слова: Украина, Украинская Народная Республика, Одесса, австро-венгерские войска, судопроизводство, репрессии.

Der Beitrag widmet sich der Verwirklichung der Strafverfolgung von Bürgern der Ukrainischen Volksrepublik durch die österreichisch-ungarischen Militärbehörden im März-April 1918.

Schlagwörter: Ukraine, Ukrainische Volksrepublik, Odessa, österreichisch-ungarische Truppen, Gerichtswesen, Repressionen.

Austro-Hungarian and German forces were in Ukraine in 1918 on the rights of the allies of Ukrainian People's Republic to help its government to cope with external threats and to ensure order in the country. The status of these troops in Ukraine was not clearly defined. The UNR, Austria-Hungary and Germany did not conclude interstate agreements on their credentials. There was no agreement on involving the UNR citizens in the military field court. The Ministry of Justice of the UNR officially banned the practice just after the military offensive, but in fact it existed. Finally, the question was settled after the overthrow of the government of the UNR and transition of power in Ukraine to Hetman Skoropadsky. The jurisdiction of Austro-Hungarian and German courts was officially extended to Ukrainian citizens.

Keywords: Ukraine, Ukrainian People's Republic, Odessa, Austro-Hungarian troops, trial, repression.

В феврале 1918 г. армии Германии и Австро-Венгрии на Восточном фронте начали боевые действия против советских войск. Основанием для наступления в Украине послужила просьба правительства Украинской Народной Республики о военной помощи. К началу мая 1918 г. войска Центральных держав заняли всю территорию Украины. Австро-венгерская зона дислокации охватывала Подольскую, Херсонскую и Екатеринославскую губернии, а также часть Волыни.

В официальных обращениях правительства УНР и главного командования германских и австро-венгерских войск в Украине к населению утверждалось, что эти силы должны были помогать украинским правоохранительным органам поддерживать порядок и законность [5, с. 11, 15]. При этом не было ясно, какими конкретно правами войска наделялись. Межгосударственного соглашения, которое бы определяло их полномочия, УНР и Центральные державы не заключали.

В заявлениях властей подчеркивалось, что войска Центральных держав в Украине не имели судебных полномочий в отношении граждан УНР. Как предполагалось, задержанных военными властями нарушителей сами эти власти карать не могли. Рассматривать дела и выносить приговоры должны были украинские суды. При этом командование иностранных войск имело право проводить аресты украинских граждан только в исключительных случаях – «когда застают их [граждан УНР] во время совершения преступления и когда нет на месте органов украинской власти или они не имеют сил предпринять соответствующие шаги» [Там же, с. 7, 9].

Министерство судебных дел УНР в связи с этим выпустило особый циркуляр, датированный 23 марта 1918 г. Согласно этому документу, должностным лицам УНР полагалось «твердо помнить», что судебная власть на территории республики принадлежала ее собственным судебным органам («никакие чужие суды не имеют силы в Республике»), а юрисдикция вооруженных сил Центральных держав распространялась только на их военнослужащих. Поскольку в Украине было введено военное положение, судить граждан УНР за совершение преступлений должны были военные революционные суды, действовавшие при украинских военных комендатурах. Задержанных австро-венгерскими и германскими войсками нарушителей требовалось доставлять в эти суды. Вынесение же приговоров военными судами Центральных держав в отношении украинских граждан следовало расценивать как злоупотребление властью [см. Приложение 1].

Издание этого распоряжения стало реакцией на сообщения о случаях, когда командиры германских и австро-венгерских частей налагали наказания на граждан УНР собственной властью. Так, в частности, 23 марта 1918 г. в Одессе был казнен бывший военнослужащий российской армии Андрей Михайлов. Пострадал он без вины. Как установили украинские следственные органы, скорее всего, произошло следующее. Прежде чем сдать в комендатуру свою фронттовую винтовку (согласно приказу о разоружении населения), 17-летний отставник решил устроить себе развлечение: найти безлюдное место, выбрать мишень и сделать несколько выстрелов, чтобы израсходовать оставшиеся патроны. Стреляя по камням на берегу моря, он не заметил стоявшего неподалеку австрийского офицера. Посчитав, что выстрелы направлены в него, этот офицер приказал схватить и повесить «террориста» [см. Приложение 2]. Благодаря прессе факт получил широкую огласку. 6 апреля 1918 г. в Малой Раде был сделан депутатский запрос министру судебных дел и управляющему министерством иностранных дел с требованием привлечь к ответственности виновных и принять меры к недопущению подобного впредь [2, с. 252]. Министерство иностранных дел УНР обратилось за разъяснениями к австро-венгерскому дипломатическому представителю в Киеве [Там, с. 272].

Австро-венгерские власти настаивали на своем праве наказывать не только нарушителей из числа своих военнослужащих, но и граждан УНР. В конце марта 1918 г. фельдмаршал-лейтенант Э. Бёльц обратился к представителю Главного краевого комиссара Херсонщины, Таврии и Екатеринославщины УНР при командовании австро-венгерских войск генерал-майору Семенову с просьбой указать, «[к] каким исполнительным органам юстиции Украинской Народной Республики должны быть препровождаемы для распоряжения преступные элементы, которые [были] задержаны австро-венгерским командованием». Одновременно Бёльц заявил, что лица, задержанные с оружием в руках при совершении покушений на австро-венгерских военнослужащих, «будут караться смертной казнью по распоряжению австро-венгерского командования» [3, л. 31].

Австро-венгерские военные власти действительно продолжали применять наказания, вплоть до смертной казни, в обход украинских судов. В частности, это происходило в селах при проведении карательных экспедиций. Так, подобную расправу 14–15 апреля 1918 г. военные устроили в селе Покровском Ананьевского уезда Херсонской губернии, о чем узнаем из жалобы пострадавших Главному

краевому комиссару. Село подверглось обстрелу, среди его жителей были проведены аресты, с них взыскали крупный штраф. Одно из арестованных, Мошко Абовича, расстреляли («принародно и по приказанию коменданта»). Его дом взорвали, еще два дома сожгли. 17 апреля 1918 г. арестованные в Покровском люди на станции Чечеклии «были наказаны телесным наказанием, железными пробочными палками получая по 5 и по 50 ударов». Инициаторами этих репрессий, очевидно, являлись местные немцы-колонисты, с которыми ранее вступил в конфликт Покровский волостной совет крестьянских депутатов [3, л. 82-84].

Свое вмешательство в уголовное судопроизводство в Украине австро-венгерские военные власти объясняли тем, что украинские судебные учреждения действовали неэффективно или отсутствовали вообще. В частности, в Одессе весной 1918 г., по свидетельствам представителей австро-венгерского командования, правоохранительная система была совершенно дезорганизована. Австро-венгерский офицер, описывая обстановку в Одессе после вступления в нее 13 марта 1918 г. войск Центральным держав, отмечал: в городе «царил страшный беспорядок», власть представителей УНР оспаривала городская дума, в которую «бывшие большевистские заправилы передали свои дела» и которой «мечталось о свободном портовом городе Одессе», независимом от УНР. В сфере силовых ведомств положение было еще сложнее: «имелось девять различных милиций и легионов, при том, что существовал еще остаток российского главного этапного командования (Одесса являлась главным этапным пунктом бывшего Румынского фронта), присутствовавший вместе с румынскими частями» [6, S. 274].

Однако власти УНР отвергали обвинения в несостоятельности и со своей стороны выражали недовольство действиями союзников. Возмущаясь самоуправством австро-венгерской военной администрации, прокурор Одесского окружного суда уверял свое руководство в способности правоохранительной системы Одессы самостоятельно обеспечить порядок в городе. По словам прокурора, уже к началу 20-х чисел марта 1918 г. все звенья этой системы («гражданские, судебные власти, прокурорский надзор и следственный институт») функционировали исправно, городская народная милиция получила дополнительные силы [см. Приложение 2].

Даже в тех случаях, когда военные власти следовали правилам и передавали задержанных представителям украинской юстиции, этими властями допускались многочисленные нарушения. Так, по све-

дениям прокурора Одесской судебной палаты, задержанных нередко доставляли без сопроводительных документов или с бумагами, из которых нельзя было понять основания задержания; арестованных вместо тюрьмы приводили прямо в прокуратуру, где отсутствовали помещения для их содержания; лица, взятые под стражу на территории одного судебного округа, попадали к прокурору другого [4, л. 2, 3].

Часть арестованных австро-венгерские военные власти держали под стражей у себя, оставляя их дела без рассмотрения своим судом и без передачи в украинский суд. Основанием (действительным или формальным) в таких случаях служил статус военнопленного. В частности, в таком положении оказались трое подростков, освобождения которых в конце мая 1918 г. добивался Белорусский национальный комиссариат в Одессе. Суть дела была такова: «В марте месяце [...] при объявлении советской властью всеобщей мобилизации были завербованы в ряды советских войск трое учащихся, проживающих в ученическом интернате по Пушкинской улице в д. № 39 Михаил Кохан, Иван Тронда и Дмитрий Челядко. При занятии гор. Херсона австро-немецкими войсками означенные лица были захвачены как военнопленные и на транспорте № 49 отправлены в г. Брилово». Вернуть свободу этим людям австро-венгерская сторона отказалась: они «с оружием в руках сражались в рядах большевиков» [3, л. 75, 76].

Задержания граждан УНР австро-венгерские офицеры проводили по собственному усмотрению, произвольно определяя, есть для этого основания или нет. Так, по сведениям украинских властей, 24 или 25 марта 1918 г. на вокзале в Одессе военные избили и арестовали студента-медика Танского, который с билетом в вагон 3-го класса зашел в зал ожидания для пассажиров с билетом 2-го класса [3, л. 6].

Чтобы устранить все недостатки правоохранительной практики, армейское руководство предлагало или официально ввести в Украине подсудность ее граждан австро-венгерским военным судам, или помочь украинской стороне наладить работу ее военно-полевых судов. 23 апреля 1918 г. в донесении своему руководству командующий австро-венгерскими войсками в Украине отмечал: «Указания верховного командования относительно осуществления правосудия в Украине не получены. Украинские граждане, которые причиняют вред насильственными действиями с оружием в руках служащим императорских вооруженных сил, расстреливаются сразу на месте. При совершении других проступков, в зависимости от их характера,

с арестованными обращаются как с военнопленными или их передают в украинский орган власти. Украинские судебные органы в занятых императорскими войсками областях в настоящее время не существуют. Поэтому крайне необходимо этот вопрос украинской подсудности решить хотя бы временно, пока украинские судебные органы не начнут работать. Проще всего было бы, если бы украинское правительство согласилось с тем, чтобы определенные правонарушения, обозначенные по согласию обеих сторон, рассматривали наши военно-полевые суды и относительно украинских граждан. Но вряд ли можно ожидать, что это предложение было бы принято, поэтому можно согласиться и с украинскими военно-полевыми судами». Чтобы можно было эффективно организовать взаимодействие украинских и австро-венгерских властей, командующий предлагал учредить украинские военно-полевые суды в тех городах, где находились австро-венгерские корпусные командования – в Жмеринке, Херсоне, Екатеринославе и Одессе. «Украинскому правительству можно предоставить в его распоряжение и по его требованию для соответствующего использования австро-венгерских военных прокуроров, которые владеют письменным и устным украинским языком» [1, с. 379; 7, S. 363].

Таким образом, австро-венгерские военные власти в Украине, формально лишённые права судить и наказывать граждан УНР, в действительности неоднократно применяли против них репрессивные меры и стремились юридически закрепить за собой это право. На 1 июня 1918 г., уже после прихода к власти гетмана П. Скоропадского, главное командование австро-венгерских войск в Украине вслед за германским командованием издало приказ о распространении юрисдикции австро-венгерских военных судов на украинских граждан.

Приложение 1

Циркуляр народного министра судебных дел
УНР М. С. Ткаченко, 23 марта 1918 г.

Панам Прокурорам Окружних Судів.

До Народного Міністерства Судових Справ дійшли вісті, що по деяких тюрмах приймають і садовлять засуджених німецькими

та австрійськими військовими судами мешканців Української Республіки, так і не громадян. З огляду на те повідомляю, що всім належить твердо пам'ятати закони, обов'язуючи в Українській Республіці, що ніякі чужі суди не мають сили в Республіці. Німецькі та австрійські військові суди мають силу лише до своїх вояків, що перебувають в війську німецькому чи австрійському. Для покарання злочинців – мешканців Республіки, згідно військовому стану, існують військові революційні суди при Українських військових комендантах, до яких судів німецькі та австрійські власті і мають представляти злочинців мешканців Республіки. Отже, засудження німецькими та австрійськими судами мешканців Української Республіки являється втручанням в законну судову власть і через те є вчинком беззаконним. Всі власті Республіки всіма силами повинні того не допускати, повідомляючи про кожний такий випадок військової німецької та австрійської власті вищим органам власті Української Республіки, які будуть вимагати від Уряду Німецького та Австро-Угорщини покарання винних німецьких та австрійських властей. Ніхто з властей Республіки не має права допомагати в чім-небудь таким беззаконним чинностям чужих військових Судів: адміністративні власті не можуть препроводжати засуджених такими Судами, а Тюремні – таких засуджених приймати до в'язниць.

Урядовці Республіки, винні в такій допомозі, також будуть негайно усунені з посади і потягнені до відповідальності. Справи всіх засуджених повинно негайно направляти в порядку підсудності Українських Судових Установ, в тім же разі, коли підстав на потягнення їх до суду не виявилось, негайно увільнити з в'язниць. Про всі випадки засудження німецькими та австрійськими військовими судами мешканців Республіки негайно повідомляти Народне Міністерство Судових Справ.

Підписали: Народний Міністр Судових Справ [підпис: М. Ткаченко]

За Директора I Департаменту [підпис: Ів. Прокопович]

В. об. Завідуючий відділом [підпис]

Центральний державний архів вищих органів влади і управління України. – Ф. 2207, оп. 1, спр. 308, арк. 1.

Приложение 2

Представление прокурора Одесского окружного суда прокурору
Одесской судебной палаты, 29 апреля 1918 г.

Во исполнение предписания за № 280 от 27 сего апреля имею честь донести Вам, Господин Прокурор, нижеследующее.

23-го марта сего года (по новому стилю) в г. Одессе по распоряжению командования находившихся в городе Австрийских войск действительно был казнен через повешение житель селения Большой Фонтан фельдфебель 23 Сибирского стрелкового полка Андрей Антонов Михайлов, 17 лет, казнь над которым совершена была днем на плацу занимаемого австрийскими войсками Одесского Кадетского Корпуса, на глазах нескольких обывателей, случайно проходивших вблизи названного плаца и издали видевших экзекуцию. Слух об этом событии скоро распространился по городу и был сообщен в газетах. По распоряжению Начальника Одесской городской народной милиции об этом событии было произведено дознание, при котором, однако выяснить в точности обстоятельство и почву задержания Михайлова австрийским военным начальством к несчастью возможности не представилось, так как свидетелей-очевидцев этого задержания найти не удалось, а австрийским штабом, помещающимся в Кадетском Корпусе, в сообщении каких-либо сведений по этому поводу чинам милиции было отказано. Только из опроса матери покойного – Александры Трофимовой Михайловой – выяснилось, что она в 12 часов дня 23 марта, находясь на базаре в сел. Большой Фонтан, узнала случайно от встреченных там знакомых женщин о том, что утром они видели, как три австрийских солдата вели по дороге в город ее сына Андрея, видимо, арестованного со связанными впереди руками. Андрей Михайлов накануне вечером, т.е. 22 марта, отправился ночевать к своему двоюродному дяде Михаилу Леонтьеву Стыценко, живущему на Большем же Фонтане, на даче Клименко, и рано утром ушел из дома Стыценко вниз по даче к морю, имея с собой свою винтовку, но обратно уже не возвращался. Как, где и по какой причине он был задержан, никто из домашних Стыценко объяснить Михайловой не мог. Попытка Михайловой навести справки об аресте сына в управлениях милиционных районов никакого результата не дала, а на следующий день, т.е. 24 марта, уже распространился слух о том, что ее сына повесили австрийцы. В тот же день 24 марта на даче Клименко в квартиру Михаила Стыценко явился австрийский офицер и четыре солдата из отряда, расквартированного на со-

седней даче Вучина. Офицер осмотрел квартиру и подробно расспросил жену Стыщенко – Татьяну о самоличности Андрея Михайлова, причем сказал, что 23 марта он арестовал Михайлова тут же на даче Клименко за то, что Михайлов пытался его застрелить и что Михайлов за это уже повешен. Имея такие сведения, Александра Михайлова отправилась в Кадетский Корпус за справками, но там помощник Коменданта уверил ее, что, хотя 23 марта двух человек в этой комендатуре повесили, но, судя по приметам, в числе их сына Михайловой не было. Для разъяснения противоречия в собранных сведениях Михайлова лично явилась на дачу Вучина в австрийский отряд и, добившись приема у офицера, просила его сообщить ей место и причины задержания им русского солдата. Офицер ответил, что 23 марта утром, он задержал русского солдата на даче Клименко за то, что солдат из этой дачи два раза выстрелил в него, офицера, стоявшего на смежной даче Вучина, причем пули просвистали у него возле ушей. Этот же офицер подтвердил, что им арестован был именно Андрей Михайлов, при котором оказалось письменное удостоверение о самоличности и которого он даже опознал по предъявленной ему Михайловой фотографической карточке. 25 марта Михайлова снова явилась к австрийскому Коменданту в Кадетский Корпус и просила выдать ей тело ее сына, но получила отказ. Точно также получила Михайлова отказ от этого Коменданта и тогда, когда она в подкрепление своей просьбы принесла бумагу краевого Комиссара Коморного, причем на этот раз Комендант утверждал, будто никакой Михайлов повешен не был. Только 27 марта после переговоров генерала Семенова с австрийским начальством Михайловой была выдана какая-то записка на немецком языке, в которой Комендант Кадетского Корпуса наконец согласился сделать распоряжение отрыть могилу и выдать матери тело ее сына. Доставленный на Большой Фонтан труп покойного Андрея Михайлова был осмотрен городовым врачом Михаевичем, причем на трупе никаких повреждений, кроме странгуляционной борозды на шее не оказалось. 26 марта в Одесской Городской Думе был сделан от имени всех думских фракций запрос Городскому Голове по поводу казни Михайлова, а 30 того же марта Дума, выслушав доклад по делу и соображения представителей Австро-Германского командования, постановила обратить внимания Центрального Правительства, что на территории Украины произведена расправа судом, не признанным Украинским Правительством. Слух о том, что Михайлов будто бы был в числе злоумышленников, стрелявших в австрийский патруль, мало правдоподобен, так как о слу-

чаях подобной стрельбы в районе Большого Фонтана никаких сведений не имеется, да и само Австро-Германское командование в своем ответе Думе говорит о подобных случаях вблизи Юнкерского училища, то есть в 12 верстах от местности, где был задержан Михайлов. К тому же у милиции имеются сведения лишь о двух случаях стрельбы в австрийские патрули, имевших место в другое время и в иных районах города, причем эти случаи носили характер озорства и вреда стрельбой причинено не было.

Гораздо более правдоподобен слух, передаваемый Начальником [милиции] Больше-Фонтанского района Ерещенком, о том, что покойный Михайлов, собираясь сдать, согласно приказу, имевшуюся у него винтовку, решил расстрелять бывшие у него патроны и был задержан только за то, что стрелял на берегу моря в мишень, сделанную на скале. Мать покойного со своей стороны удостоверилась на дознании, что сын ее, часто посещая родственников на даче Клименко, завел знакомство среди австрийских солдат отряда, стоявшего на соседней даче Вучина, был с ними в очень хороших отношениях и нередко в их присутствии стрелял из винтовки в море и в цель, так как очень любил это занятие. Для характеристики личности Михайлова необходимо добавить, что он сын зажиточных родителей, окончил 3 класса высшего начального училища, в январе 1917 года поступил добровольцем в действующие войска, и 8-го ноября того же года был уволен в отпуск на два месяца, каковой отпуск ему затем был продлен по 1-е марта сего года, причем все время он находился при своих родителях.

Предварительное следствие об обстоятельствах арестования и казни Михайлова назначено прокурорским надзором не могло быть по формальным основаниям, за силой примечания 1 к ст. 175 Улож[ения] о Нак[азаниях], так как предметом исследования являлись бы действия Австро-Германских военных властей, сведения же о совершении самим Михайловым какого-либо преступления ни от кого к прокурорскому надзору не поступало. Что же касается общего положения вещей к 23 марта сего года в г. Одессе, то в этом отношении можно удостовериться, что анархия и безначалие в Одессе тогда уже прекратились, все гражданские, судебные власти, прокурорский надзор и следственный институт были на своих местах и обратиться к их законному содействию была полная возможность, частные же лица прибегать к необходимой самообороне, разрешенной 101 ст. Улож. о Нак. надобности уже не имели, так как аппарат городской народной милиции был к этому времени восстановлен и даже усилен.

К настоящему представлению прилагаю две копии журналов заседаний Одесской городской думы от 26 и 30 марта сего года и присовокупляю, что сведения о том, производилось ли какое-либо расследование по этому же поводу общественными организациями в моем распоряжении не имеются.

Прокурор окружного суда [подпись]

№ 954

29 апреля 1918 г.

Секретарь [подпись]

Центральний історичний архів України (Київ). – Ф. 419, оп. 1, спр. 7284, арк. 36–38.

Библиографические ссылки

1. **Тимошук, О. В.** Охоронний апарат Української Держави (квітень – грудень 1918 р.) [Текст] / О. В. Тимошук. – Х.: Вид-во Університету внутрішніх справ, 2000. – 462 с.

2. Українська Центральна Рада. Документи і матеріали [Текст]. – К.: Наукова думка, 1997. – Т. 2: 10 грудня 1917 р. – 29 квітня 1918 р. – 424 с.

3. Центральний державний архів вищих органів влади і управління України (далі ЦДАВО України) [Текст]. – Ф. 2311, оп. 1, спр. 9.

4. ЦДАВО України [Текст]. – Ф. 2311, оп. 1, спр. 154.

5. Чого прийшли німці на Україну? Офіційні повідомлення, думки, розмови [Текст]. – К., 1918. – 16 с.

6. **Dragoni, A. v.** Die oesterreich-ungarische Operationen zur Besetzung Ukraine 1918 [Text] / A. v. Dragoni // Militärische und technische Mitteilungen. – 1928. – № 59. – S. 267–288.

7. Ereignisse in der Ukraine 1914–1922, deren Bedeutung und historische Hintergründe. Hg. v. T. Hornykiewicz [Text]. – Philadelphia, 1968. – Bd. 3. – LIX + 704 s.

Надійшла до редколегії 10.03.2016